

М. А. Степанова

Нижевартовск, Россия

M. A. Stepanova

Nizhnevartovsk, Russia

УШЛА ЛИ СОВЕТСКАЯ УГРОЗА?

О трансформации идеологемы «Soviet threat»

Аннотация. Анализ фрагментов современного англоязычного политического дискурса с целью выявления особенностей трансформации идеологемы «советская угроза».

Ключевые слова: политический дискурс; идеологема; «советская / русская угроза».

Сведения об авторе: Степанова Марина Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода.

Место работы: Нижевартовский государственный гуманитарный университет.

Контактная информация: 628605, г. Нижевартовск, ул. Ленина, д. 56.

e-mail: mstepanova2@gmail.com.

HAS SOVIET THREAT DISAPPEARED?

The transformation of the ideologueme "Soviet threat"

Abstract. Through analyzing particular fragments of political discourse the author describes the way the ideologueme "Soviet threat" has transformed.

Key words: political discourse; ideologueme; "Soviet / Russian threat".

About the author: Stepanova Marina Alexandrovna, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Linguistics and Translation Department.

Place of employment: the Nizhnevartovsk State University of Humanities.

Place of employment: the Nizhnevartovsk State University of Humanities.

Статья заняла 1 место на Международном конкурсе публикаций молодых ученых «Современная политическая лингвистика» (2011 г.) в номинации «Политическая коммуникация»

Прошло почти два десятилетия с момента распада Советского Союза, и, казалось бы, политическое противостояние двух сверхдержав — СССР и США — должно было уйти в прошлое. Но привела ли кардинальная смена политической системы на пространстве нынешней России к уходу из массового сознания коренных идеологических смыслов, связанных с советско-американской политической конфронтацией?

Существующие на сегодняшний день исследования политологического, исторического, культурологического характера аргументированно доказывают, что Советский Союз был тоталитарным государством. Особое место в изучении феномена советской тоталитарной культуры занимают исследования, посвященные вопросам тоталитарного языка и тоталитарного дискурса. Как полагают специалисты, «в тоталитарной культуре язык становится действенным инструментом влияния на общественное сознание», при этом «операционными единицами языка становятся идеологемы и мифологемы» [Купина 2006: 83].

Однако идеологема, как «единица идеологической картины мира, которая объективируется в тексте (в том числе тексте креолизованном) и — шире — в дискурсе собственно языковыми единицами разных языковых уровней, а также знаками других семиотических систем» [Малышева 2009], не является принадлежностью лишь тоталитарной культуры. Любое государство, выстраивая свою идеологию, которая по определению «имеет целью манипулирование и управление людьми путем воздействия на их сознание» [Новейший философский словарь 2003], опирается на некую иерархию

идеологем. Вопрос заключается только в том, насколько прескриптивной является функция таких единиц в риторическом дискурсе конкретного государства в конкретных временных границах.

Целью нашего исследования является установление особенностей трансформации идеологемы «Soviet threat / советская угроза» в англоязычном политическом дискурсе в период после окончания холодной войны. В рамках данной работы мы не будем анализировать историю появления интересующей нас идеологемы и детально описывать ее эксплуатацию в годы холодной войны. Основной задачей настоящего исследования мы видим изучение особенностей существования идеологемы от момента распада Организации Варшавского договора (февраль 1991 г.) по настоящее время.

В период после окончания Второй мировой войны сочетание «Soviet threat» неизменно фигурировало в контексте жесткого военного противостояния СССР и стран НАТО. Ведущим семантическим компонентом идеологемы было значение «военное нападение со стороны СССР; активные боевые действия со стороны СССР». Однако с началом в СССР в середине 1980-х гг. радикальных социально-политических преобразований стал происходить глобальный процесс трансформации устоявшихся идеологических систем.

Период с 1991 по 2001 г. в российско-американских отношениях стал десятилетием «разоружения» в том смысле, что развал политической и экономической систем СССР привел к заметному ослаблению роли России на мировой арене. Первое десятилетие после развала СССР характеризовалось повышенной обеспо-

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Степанова М. А., 2011

коенностью натовских политиков судьбой бывшего советского военно-промышленного комплекса и накопленных СССР военных арсеналов. В этот период наибольшие опасения у союзников по НАТО вызывают уже не возможные ядерные удары со стороны России, а лишь вероятные случаи нелегального распространения радиоактивных материалов с территории бывшего СССР.

Весьма показательными в этом плане являются документы, ставшие в последние годы достоянием общественности (в том числе благодаря скандально известной утечке информации государственной важности через портал Wikileaks). Так, Дэвид Хоффман (David E. Hoffman), один из наиболее авторитетных сегодня в США журналистов, пишущих о мировой политике, опубликовал целый ряд статей, в которых затронуты проблемы утилизации компонентов ядерного оружия на постсоветском пространстве. Заметим, что с 1995 по 2001 г. Д. Хоффман работал в России, возглавляя Московское бюро одной из наиболее влиятельных американских газет, «Вашингтон пост», и стал свидетелем исторического перелома в российской общественной жизни, политике и экономике.

В статье «The loose nukes cable that shook Washington» (Ядерное оружие: телеграмма, которая потрясла Вашингтон) от 14.06.2011 г. журналист приводит выдержки из некоторых документов, направленных в администрацию президента США в период с 1991 по 1994 гг. (в том числе из агентурных материалов), в которых настоятельно рекомендуется выделить финансовые средства для поддержания системы ядерной безопасности в границах бывшего СССР. Например, в конце 1991 г. сенатор Сэм Нанн открыто заявил, что США, потратив триллионы на холодную войну, должны профинансировать и программу по обеспечению **безопасности** оставшихся советских боевых единиц: *In late 1991, Senator Sam Nunn (D-Ga.), chairman of the Senate Armed Services Committee, gave a speech saying that after spending trillions of dollars on the Cold War, the United States should spend a little more to help make Soviet weapons and materials secure* (выделено нами — М. С.) [Hoffman 2010].

С распадом Советского Союза и появлением суверенной России, правопреемницы СССР, происходит естественный процесс замены в политических номинациях компонента «Soviet / советский» на «Russian». Заметим, что специалисты по переводу всегда подчеркивают: передача английского «Russian» на русский язык определяется контекстуально — *русский* (национальная идентификация) либо *российский* (принадлежность к государственным институтам). В связи с этим исследователи политического дискурса отмечают дезориентацию западного читателя (реципиента) при использовании терминов «Soviet» и «Russian» в политической лексике в период перестройки, поскольку

ку эти термины, «традиционно воспринимаемые на Западе как синонимы, уже не являлись взаимозаменяемыми и нередко употреблялись в СССР для выражения антитезы между приверженцами советского режима и сторонниками демократических перспектив развития страны» [Будаев, Чудинов 2009: 372] (выделено нами — М. С.).

Таким образом, на смену мощной идеологии «советская угроза / Soviet threat» постепенно приходит новая идеологема «русская угроза / Russian threat», несколько менее политизированная, не актуализирующая ведущий смысловой компонент прежней идеологии — «нападение, активные боевые действия».

Новая идеологема, безусловно, сохранила основную, милитарную семантику предыдущей единицы, но стала включать дополнительные семантические компоненты, которые отсутствовали прежде: угроза со стороны организованной преступности и коррумпированных чиновников. Приведем выдержку из аналитической работы одного из слушателей Колледжа канадских вооруженных сил (the Canadian Forces College): *Westerners underestimate the extent to which organized crime and corruption have hampered Russian political and economic reforms — 'Люди на Западе недооценивают то, насколько организованная преступность и коррупция препятствуют политическим и экономическим реформам в России'* [Cook 1998] (выделено нами — М. С.).

К официальным документам относится подготовленный в июне 2001 г. американским департаментом юстиции (U. S. Department of Justice, Office of Justice Programs, Washington, DC) многостраничный доклад под заглавием «The Threat of Russian Organized Crime» (Угроза российской организованной преступности) [<https://www.ncjrs.gov/pdffiles1/nij/187085.pdf>]. Введение к докладу начинается словами: *In the decade since the collapse of the Soviet Union, the world has become the target of a new global crime threat from criminal organizations and criminal activities that have poured forth over the borders of Russia and other former Soviet republics such as Ukraine — 'За те десять лет, что прошли с момента распада Советского Союза, мир стал мишенью для новой глобальной угрозы со стороны криминальных организаций и криминальной деятельности, льющейся потоком с территории России и других бывших советских республик, таких как, например, Украина'*.

Следует уточнить, что начало трансформации идеологии и привнесение новых смыслов хронологически не совпадает с моментом распада СССР (конец 1991 г.), этот процесс начался несколько раньше. В качестве примера можно привести реализацию новых смыслов рассматриваемой идеологии в некогда нашумевшем фильме «Красная жара» (Red Heat, 1988 г.), в котором бравый офицер *советской милиции* (А. Шварцнеггер) отправляется в США

с целью препроводить на родину сбежавшего *грузинского наркоторговца*.

Новые смыслы трансформированной идеологии достаточно продуктивно эксплуатируются сценаристами при создании разного рода художественных фильмов, в особенности фильмов, снятых в жанре экшен. Как известно, такие фильмы, рассчитанные на массового зрителя, выстраиваются не на исторически точных и достоверных данных, но на неких приближенных к массовому сознанию фактах. Так, например, до сих пор для простого западного обывателя нет особой разницы между постсоветскими Россией, Украиной, Казахстаном.

В первое послеперестроечное десятилетие в массовом сознании все еще прочно сохранялось некогда существовавшее жесткое разделение на «своих» и «чужих» в виде стран блока НАТО и Варшавского договора. К примеру, культовый американский боевик «Три икса» (англ. «XxX»), снятый в 2002 г., сюжетно выстроен на неких событиях, происходящих на территории Чехии: секретный агент, выполняя задание, погибает, успев передать *Агентству национальной безопасности* один из фрагментов сложной молекулы *сербского* вируса, и теперь уже другой агент должен просочиться в криминальные круги, находящиеся в *Праге*, но в действие вступает таинственная девушка *Елена*... [<http://en.wikipedia.org/wiki/XXX>]. Как видно из самого поверхностного перечисления сценарных ходов, антигерои — это выходцы из стран бывшего соцблока.

Таким образом, достаточно продолжительное время после распада СССР и ухода советской политической системы существовал некий бленд, совмещение идеологием «Soviet threat» и «Russian threat», поскольку понятие «советский» ушло с крахом Советского Союза, но суверенная Россия не была явно дистанцирована от бывших союзных республик и социалистических стран.

По всей видимости, должно пройти еще несколько десятков лет, чтобы в массовом сознании укрепилось разграничение собственно России и того, что когда-то называлось СССР. Так, вплоть до настоящего момента даже граждане России, имея тесные семейные, родственные, дружеские связи в бывших республиках СССР, часто не воспринимают ставшие независимыми государства как нечто другое, чужое, отделившееся.

Автор этих строк была свидетелем того, как аудитория кинозала смеялась, увидев надпись «*Чернобыль*». Казалось бы, контекст фильма достаточно четко определяет, что место действия — Украина, и вполне понятно, что надпись сделана на украинском языке, но секундный кадр показывает, насколько глубокий импринтинг имеет привычная для россиян внешняя форма этого событийного имени — *Чернобыль*. Расширим ситуативный контекст и поясним, что аудитория именно так — смехом — отреагиро-

вала на указанную надпись еще и потому, что возникло ощущение: съёмочная группа высокобюджетного, технически самого современного фильма — «*Transformers: Dark of the Moon*» (2011) — в очередной раз не смогла найти квалифицированного специалиста, чтобы написать или сказать что-то на хорошем русском языке, без ошибок или сильного акцента.

В подтверждение нашего предположения приведем выдержки из заметок блогеров (орфография и пунктуация оригинала сохранены) [<http://www.kinomania.ru/news/15958>]:

>> (*Diesel-UA*) *В Голливуде ведь миллион миллионов специалистов по всему на свете, а на человеке, который мог бы им грамотно на русском три слова написать, до сих пор экономят. Очень нравится еще как их „русские“ по русски разговаривают. Особенно радует фраза „наздравие!“, которая произносится „русскими“ в моменты водкипоглощения.*

>> (*Tor*) *В Трансформерах Чернобыль с ошибками тоже написан.*

>> (*YOJICK*) *То, что было написано в TF3 „ЧОРНОБИЛЬ“ это, господа, по-украински. А если Вы заметили, то позже на дверях при входе в здание было написано „чернобыльская...“. Так, что там все нормально. За исключением того, что украинских космонавтов на зло называли русскими... :)*

По всей вероятности, истинная причина неадекватного восприятия правильно написанного текста кроется именно в том, что российская аудитория воспринимает Чернобыль не территориально, а событийно: не как часть независимой Украины, но как элемент исторической эпохи, в которой и жители современной России, и жители суверенной Украины были единой нацией, имели единый государственный язык.

Нельзя не отметить, что с момента трагических событий в Чернобыле прошло уже 25 лет, и ключевые образы «ядерная катастрофа в России», «смертельная опасность», «паника», «ужас» постепенно начали уходить из массового сознания жителей западных стран.

01.03.2011г. на одном из интернет-сайтов, посвященных Чернобыльской катастрофе (<http://voicesfromchornobyl.wordpress.com>), был размещен анонс фильма «What do you know about Chernobyl?» (Что вы знаете о Чернобыле?). Анонс фильма представляет собой несколько мини-интервью (на английском языке) с обычными людьми на улицах Лос-Анджелеса (Калифорния, США), взятых в январе 2011г. Половина опрошенных — люди в возрасте 20-30 лет — просто не знают, о чем идет речь:

1. Журналист: *We are just asking if anybody knows about it.* <Мы просто интересуемся, знает ли кто-нибудь об этом.> — Ответ: *I don't. I don't know absolutely anything.* <Я — нет, не знаю об этом совершенно ничего.>

2. Журналист: *What comes to mind when she says the word Chernobyl?* <Что приходит на ум, когда она (журналист) произносит слово Черно-

быль?> — Ответ: *Chernobyl?* (явное недоумение) — Журналист: *Chernobyl*.

3. Журналист спрашивает о Чернобыле. В ответ собеседник недоуменно переспрашивает: *About... <О...>* Журналист: *Chernobyl*. <Чернобыле.> — Ответ: *I never heard that*. <Никогда не слышала об этом.> — Надпись-комментарий в кадре: *She's studying a World History textbook*. <Она читает учебник по всемирной истории.>

4. Журналист: *Do any words or phrases come to mind? Thoughts?* <Какие-нибудь слова, фразы всплывают в голове? Какие-то мысли?> — В ответ девушка отрицательно качает головой.

5. Ответ: *he only thing about Chernobyl is that it's dangerous... I'm thinking Russia*. <единственное, что знаю, там опасно... Думаю, это в России.>

Этот небольшой опрос показал, что поколение американцев, выросшее в период перестройки и распада Советского Союза, уже не имеет ярко выраженных ассоциаций «Россия — ядерная страна — опасность». Однако по совпадению фильм, о котором шла речь выше, был снят за несколько месяцев до катастрофы на АЭС в провинции Фукусима (Япония) в марте 2011 г. Эта катастрофа породила волну новых страхов, и главным лейтмотивом последовавших за трагедией многочисленных публикаций и выступлений экспертов стало сравнение двух аварий. Приведем лишь несколько примеров.

1. Заголовок публикации на новостном портале CNN 12.04.11: Q&A: *Is Fukushima as bad as Chernobyl?* (Фукусима так же страшна, как Чернобыль?).

2. Заголовок публикации в «The Guardian», 12.04.11: *Nuclear crises: How do Fukushima and Chernobyl compare?* (Ядерный кризис: в чем схожи Фукусима и Чернобыль?).

3. Заголовок публикации на новостном портале BBC, 12.04.11: *How does Fukushima differ from Chernobyl?* (Чем Фукусима отличается от Чернобыля?).

4. Заголовок публикации в «The Telegraph», 16.03.11: *Japan nuclear plant: Just 48 hours to avoid 'another Chernobyl'*. (Японская атомная станция: всего 48 часов, чтобы предотвратить 'новый Чернобыль').

Нельзя не согласиться с тем, что «комплексность реализации идеологием <...> задается фактором событийности», который «является объективным» [Купина 2009: 208]. Актуализация смыслов «Россия — ядерная катастрофа — опасность — смертельная угроза» в связи с трагедией в Фукусиме заставляет по-другому оценивать чернобыльский эпизод вышеупомянутого американского блокбастера «Transformers: Dark of the Moon» (премьера, напомним, состоялась в июне 2011 г.). Экспозиция фильма, где показан «Чернобыль», задается таким образом, что зритель невольно ассоциирует США с положительными героями фильма, а Россию — с отрицательными. Несомненно, фильм, рассчитанный на молодую аудиторию, в совокупности с информационным потоком

о событиях в Фукусиме что-то привнесет в актуализацию идеологического смысла «Россия = смертельная опасность» у людей этой возрастной категории.

В интересном социолого-психологическом исследовании, результатом которого стала публикация в 1999 г. монографии «Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века», высказывается мысль о том, что в обществе всегда существует некий общий подсознательный экзистенциальный страх, однако большая часть массовых страхов имеет специфический характер [Шляпентох, Шубкин, Ядов 1999: 5]. К подобным страхам в современном мире авторы относят, в частности, технологические катастрофы, крупномасштабные теракты, ядерную войну, тотальную войну или вторжение соседей. Предметом своего исследования авторы видят «страх перед социально значимыми негативными событиями и процессами, оцениваемыми массовым сознанием как катастрофа» [Там же].

Авторы исследования, основанного на эмпирических данных, полученных главным образом в России, видят свою задачу в доказательстве существования и необходимости изучения особого типа мышления — *катастрофического*, который может возникать в обществе и в определенных условиях распространяться в широких масштабах [Там же: 6].

Интересно провести параллель с другими исследованиями, результаты которых представлены в коллективной монографии «Entertaining fear: rhetoric and the political economy of social control» («Лелея страх: риторика и политическая экономика социального контроля» — перевод заглавия взят из обзора Е. В. Шустровой [Шустрова 2011: 76], в котором приводится достаточно детальное описание содержания основных разделов монографии) [Chaput, Braun, Brown 2010]. Авторы монографии полагают, что события 11 сентября 2001 г. (серия терактов, крушение Всемирного торгового центра) стали толчком к возникновению нового социального напряжения внутри американского общества, послужили отправным моментом развития «дискурса страха» (fear discourse / discourse of fear) — именно так авторами характеризуется состояние нынешнего риторического дискурса (rhetorical discourse) в Соединенных Штатах Америки.

В предисловии к работе авторы указывают, что риторика, базирующаяся на страхе крушения империи (первая глава монографии так и называется — «Electing Empire: Systemic Chaos and the Fear of Falling»), проникла во все сферы существования современного американского общества: ... *the complex rhetorical aspects of fear be understood as working in and through multiple sites rather than as isolated and distinct* [Chaput, Braun, Brown 2010: VIII].

Здесь же авторы приводят важный, как нам кажется, тезис о взаимовлиянии, о причинно-

следственных отношениях между «риторической ситуацией» («rhetoric situation») и реальными историческими событиями (history). Напомним, что риторическая ситуация есть система взаимосвязанных факторов, а именно: «1) отношений между участниками речевой ситуации; 2) целей участников (их речевых намерений, т. е. того, что они хотят получить в результате речевого события); 3) предмета речи и отношений участников к нему» [Михальская 1996: 56].

Как показывают авторы, в современной американской риторике существует два противоположных подхода к пониманию того, что является первичным: 1) некое референтное событие (т. е. событие объективной реальности, см. работы В. З. Демьянкова), создающее почву для появления риторической ситуации; 2) риторическая ситуация, некий риторический дискурс (rhetoric discourse), результатом которого могут стать определенные события.

Представляет, что в приложении к исследуемому нами предмету оба мнения о приоритетности риторики или событийного ряда вполне справедливы. В первом случае, когда риторика определяется текущим событийным фоном, идеологема «Soviet / Russian threat» может рассматриваться с точки зрения ее существования и функционирования в качестве отражения реальных исторических событий. Вряд ли кто-нибудь будет отрицать, что развернувшаяся в годы холодной войны гонка вооружений была вполне реальной угрозой существующему миру. Нарацивание СССР военного потенциала не могло не подпитывать идеологию, базирующуюся на навязывании населению стран НАТО образа СССР как врага № 1.

Примером актуализации идеологемы в связи с определенными историческими событиями может служить пропагандистская листовка «If you think the Soviet threat is a myth, just ask a Pole» (Если ты думаешь, что советская угроза — миф, просто спроси поляка), создание которой относится к периоду напряженности в отношениях между СССР и Польской Народной Республикой в начале 1980-х гг.

Еще одним примером того, как риторическая ситуация организуется конкретными событиями, является всплеск антироссийских настроений и резкая актуализация идеологемы «Russian threat» в англоязычном политическом дискурсе в 2006—2008 гг.

После событий 11 сентября 2001 г. идеологема «Russian threat» на некоторое время ушла из политического лексикона: произошло смещение идеологического ракурса, основной внешней угрозой был объявлен терроризм со стороны радикальных исламистов. Новая активизация идеологемы связана с целым рядом факторов. Общим между ними стало недовольство союзников по НАТО отношениями России с некоторыми бывшими республиками СССР, которые на тот момент стали входить в сферу интересов НАТО:

- 1) газовый конфликт между Россией и Украиной (начало конфликта — март 2005 г.);
- 2) экономические санкции России в отношении Грузии (начало конфликта — октябрь 2006 г.);
- 3) кибератака, организованная с территории России в отношении Эстонии (апрель 2007 г.);
- 4) конфликт между центральной частью Грузии и Южной Осетией, во время которого Россия оказала военную поддержку Южной Осетии (август 2008 г.).

Все перечисленные выше события спровоцировали волну публикаций в западных СМИ, основной задачей которых стало аргументированное доказательство появления «**new Russian threat** / **новой угрозы** со стороны России». Приведем лишь несколько примеров.

В ведущем британском издании «The Telegraph» 19.08.2007 г. опубликована статья под заголовком «Prepare to face the Russian threat» (Приготовьтесь встретиться с русской угрозой). В этой статье автор уверенно заявляет, что, возможно, Россия и находится на грани демографической катастрофы, но у нее все еще колоссальные запасы ядерного оружия, и часть его направлена на Великобританию. То, как Россия обходится с республиками, получившими независимость после крушения СССР, очевидно свидетельствует, каким образом эта страна готова угрожать своим менее сильным соседям. Далее автор приводит в качестве примера прекращение Россией поставок газа в Украину:

Russia may be a country on the brink of demographic collapse, with a diminishing life expectancy and a falling birthrate — but it still possesses a colossal nuclear arsenal, some of which is no doubt aimed at Britain. The way that Russia has treated the republics that gained independence after the fall of the Soviet Union provides ample evidence of the way the country is prepared to bully less powerful neighbours. Russia has, for instance, simply cut off gas supplies to Ukraine when it wanted the country to pay a higher price.

В этой же статье автор в довольно осторожной форме говорит о том, что нынешний глава РФ (В. Путин), **кажется, хочет возврата к чему-то похожему на холодную войну** (*The present ruler of Russia appears to want to return to something approximating to the Cold War*) (выделено нами — М. С.).

В публикации «New Russia, new threat» (Новая Россия, новая угроза) (Los Angeles Times. 02.09.2007) профессор политологии Стэнфордского университета Майкл Макфол (Michael McFaul), обсуждая взаимоотношения России и США, говорит, что Россия поддержала США после событий 11 сентября и твердо встала на сторону борьбы с международным терроризмом. Однако в текущей внешней политике Кремля произошел явный сдвиг, представляющий новую потенциальную опасность для США и их союзников (в числе которых названа Грузия). По мнению автора, открытый военный

конфликт между США и Россией маловероятен, но намечающаяся автократия и отношения России с соседями (Украина, Грузия, Эстония) создают серьезную опасность для США и их союзников:

...after 9/11, <...> Putin placed Russia firmly on the side of the West in the global war on terrorism. <...> But today, integration with the West is no longer a goal of Russian foreign policy. <...> reflect the fundamental shift in Kremlin thinking about global politics and constitute new potential threats to U. S. influence. <...> The probability of direct military conflict between Russia and the U. S. is very low. At the same time, an autocratic, anti-Western Russia poses serious trouble for America and its allies. Putin's Russia <...> has cut off gas to Ukraine, imposed economic sanctions on Georgia and launched a cyber war against a NATO ally, Estonia. A Russia <...> might be tempted to pursue even more provocative policies, such as deploying military power to secure independence for the territory of Abkhazia inside Georgia.

Таким образом, новыми смысловыми компонентами идеологемы «Russian threat» становятся:

- 1) угроза энергетической зависимости стран-соседей от России;
- 2) киберугроза;
- 3) наметившаяся автократия.

Все эти новые семантические компоненты позволяют понять возрастание тревоги партнеров по НАТО в отношении России: страна, катившаяся в 1990-х гг. в бездну хаоса, теперь ясно укрепила свое экономическое и политическое влияние на мировой арене. Впрочем, эти смыслы отнюдь не имплицитны, в той же статье «New Russia, new threat» профессор-политолог совершенно открыто заявляет их:

When the U. S. emerged as the world's undisputed superpower in the 1990s, Russia looked weak in the aftermath of the collapse of the Soviet Union and subsequent economic depression. Today, according to the Kremlin, fortunes have turned. The U. S. is bogged down in unwinnable wars in Afghanistan and Iraq, and morally discredited in the eyes of the international community as a unilateral, interventionist power and violator of human rights. By comparison, Russia sees itself as stronger and more respectable. <В то время, когда США в 1990-х гг. стали безоговорочной сверхдержавой, Россия, казалось, потеряла силы в результате распада СССР и последовавшего экономического упадка. Сегодня, как заявляет Кремль, ситуация изменилась к лучшему. США увязли в бесконечных войнах с Афганистаном и Ираком и морально дискредитированы в глазах мировой обществу как страна, причастная к интервенции и нарушению прав человека. В сравнении с этим Россия оценивает себя как страну более сильную и уважаемую.>

Ряд конкретных событий, перечисленных выше, несомненно, определил смену в западной политической риторике относительно Рос-

сии. Сегодня актуализация идеологемы «Russian threat» в связи с событиями 2006—2008 гг. привела, по нашему мнению, к обратному эффекту: риторика начинает влиять на принятие конкретных политических решений.

Осознание западными политиками социально-политического и экономического укрепления России, анализ нынешней роли России на политической арене способствует тиражированному использованию образа России как источника опасности, угрозы. Нескончаемый поток реплик, замечаний, заявлений со стороны известных и влиятельных деятелей на Западе, в которых напрямую говорится о «русской угрозе», способствует дальнейшему нарастанию напряженности в отношениях между Россией и странами НАТО.

С 2007 г. в мировых СМИ активно обсуждается вопрос о создании по инициативе США противоракетной системы на территории Чехии и Польши, в непосредственной близости к границам России. Ответная реакция России в виде заявлений официальных лиц (в том числе президента Д. А. Медведева и премьер-министра В. В. Путина) о недопустимости таких действий и возможном противодействии со стороны России расценивается западными СМИ как «агрессивная». В статье, опубликованной 01.12.2010 г. в издании «Гардиан» под заголовком «Russia threatens arms race and new nuclear warheads on Europe's borders» (Россия грозит новой гонкой вооружения и новым ядерным оружием у границ Европы), читаем: *In typically aggressive language in an interview with CNN, Vladimir Putin, the Russian prime minister, said the Kremlin would have no option but to respond with a new generation of nuclear weapons if its proposals on a joint missile shield "are met only with negative answers" (В типично агрессивной манере в интервью CNN Владимир Путин, российский премьер-министр, заявил, что Кремлю не останется ничего другого, как ответить новым поколением ядерного оружия, если его предложения по построению совместной противоракетной системы „будут встречены отказом“)* (выделено нами — М. С.).

В том же интервью В. В. Путина телекорпорации CNN от 2 декабря 2010 г. известный американский телеведущий Ларри Кинг, услышав ответ российского премьер-министра: *это не наш выбор, мы этого не хотим. И это никакая не угроза, мы просто говорим о том, что нас всех ожидает, если мы не сможем договориться о совместной работе. Вот и все. Повторяю, нам бы этого очень не хотелось, — провоцирует российского премьер-министра вопросом: Вы говорите, что это не угроза. Но звучит это, как будто бы угроза. „Wall Street Journal“ полагает, что вы выдвигаете тактические боеголовки к территории союзников НАТО, как недавно весной. Это правда?*

В качестве резюме скажем: на момент написания этой статьи (июль 2011 г.) Россия все

еще не имеет письменных заверений со стороны НАТО о неиспользовании новой противоракетной системы в отношении России: „Совет „Россия — НАТО“ в части договоренностей по ПРО не продвинул стороны ни на миллиметр“, — оценил встречу в Сочи [04.07.2011 г.] заведующий информационно-политическим отделом Института политического и военного анализа Александр Храмчихин, добавивший, что стороны продолжают придерживаться своих взаимоисключающих позиций и никто не готов на уступки. Впрочем, по мнению эксперта, „переговоры зашли в тупик не вчера, поэтому в Сочи ничего страшного не произошло, стороны лишь очередной раз собрались, чтобы понять, что договориться не удастся“. Но в Кремле РБК daily заверили: „Переговоры продолжаются“ [РБК daily. 05.07.2011].

Таким образом, наращивание смысловых компонентов идеологемы «Russian threat», эскалация использования данной идеологической единицы в англоязычном политическом и медийном дискурсе и падение уровня политического доверия между Россией и странами НАТО, на наш взгляд, взаимообусловлены.

Вместе с тем в современном англоязычном политическом дискурсе существует и другое мнение относительно реальности «русской угрозы». Некоторые политики считают, что Россия все еще страна, не оправившаяся от экономического кризиса и не имеющая достойного потенциала, чтобы представлять собой какую-либо угрозу для стран НАТО. Определенной антитезой идеологеме «русская угроза» является утверждение о том, что «Russian threat is a myth / русская угроза — это миф» (см., например, публикацию «“Russian threat” myth revived» («„Русская угроза“: новый миф») [<http://dlib.eastview.com/browse/doc/22430479>].

В статье «BERMAN: Russia's real threat? Failure» (Берман: Россия — это реальная угроза? Вовсе нет), опубликованной в «Вашингтон таймс» 31.01.2010 г., автор пишет о российских демографических проблемах и бесперспективности развития России как государства: <...> *further into the future, the strategic challenge posed by Russia might not stem from its strength, but from its weakness.* (<...> в будущем попытки России укрепить свои стратегические позиции будут идти не от ее силы, а от ее слабости.)

О «русском медведе» (извечном символе России) некоторые авторы говорят как о «бумажном медведе» — «Russia: Big Threat or Paper Bear?» (Россия: большая угроза или бумажный медведь) [<http://www.lewrockwell.com/margolis/margolis142.html>].

Тем не менее подобное представление о России не подразумевает полного отказа от использования образа «Russian threat». Приводя аргументы в пользу мнения о неспособности России быть явным врагом НАТО, авторы таких публикаций предостерегают от полного доверия российским политикам.

Подводя итог нашему исследованию, сделаем некоторые выводы.

1. С распадом СССР и появлением суверенной России идеологема «Soviet threat» не уходит из политического лексикона, но происходит естественная смена номинаций «Soviet → Russian».

2. Процесс замены номинаций не совпадает с датой распада СССР: продолжительное время после развала советской политической системы существовал некий блэнд, совмещение идеологем «Soviet threat» и «Russian threat», поскольку понятие «советский» ушло с крахом Советского Союза, но суверенная Россия не была явно дистанцирована от бывших союзных республик и стран соцблока.

3. Трансформированная идеологема сохраняет основной семантический компонент идеологемы-предшественницы: угроза использования военной силы.

4. С конца 1980-х гг. начинается приращение новых смыслов идеологемы, основными из которых являются: угроза со стороны организованной преступности, коррумпированных чиновников, угроза энергетической зависимости, киберугроза, угроза проявления автократии.

5. Антитезой идеологемы «Russian threat» является идеологизированное сочетание «Russian threat is a myth» (русская угроза — это миф) и семантически сходные комбинации.

6. Активизация идеологемы является событием обусловленной.

7. Развитие риторического дискурса, насыщенного определенной идеологемой, и принятие конкретных политических решений являются взаимообусловленными.

ЛИТЕРАТУРА

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Эволюция лингвистической советологии // — Советское прошлое и культура настоящего : моногр. / отв. ред. Н. А. Купина, О. А. Михайлова ; Урал. ун-т. — Екатеринбург, 2009. Т. 2. С. 349—378.

Демьянков В. З. «Событие» в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1983. Т. 42. № 4. С. 320—329.

Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века (по материалам международных исследований) / под ред. В. Э. Шляпентоха, В. Н. Шубкина, В. А. Ядова. — М.: Моск. общ. науч. фонд ; Ин-т социологии РАН; Универ-т штата Мичиган, 1999.

Купина Н. А. Советские идеологические традиции сегодня // Советское прошлое и культура настоящего : моногр. / отв. ред. Н. А. Купина, О. А. Михайлова ; Урал. ун-т. — Екатеринбург, 2009. Т. 2. С. 186—208.

Купина Н. А. Тоталитарные идеологемы и мифологемы на страницах районных газет Урала // Речевое общение : вестник Рос. ритор. асс. / под ред. А. П. Сковородникова ; Красноярск. ун-т. — Красноярск, 2006. Вып. 8—9 (16—17). С. 81—89.

Малышева Е. Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. № 4 (30). С. 32—40.

Михальская А. К. Русский Сократ: лекции по сравнительно-исторической риторике. — М.: Академия, 1996.

Новейший философский словарь. — Минск: Книжный дом, 2003.

Шустрова Е. В. Исследование политической коммуникации в США: новые перспективы (2009—2011) // Политическая лингвистика. 2011. № 1(35). С. 74—86.

Chaput C., Braun M., Brown D. Entertaining fear: rhetoric and the political economy of social control. — N. Y.: Peter Lang, 2010.

ИСТОЧНИКИ

Интервью Владимира Путина Ларри Кингу. URL: <http://ria.ru/interview/20101202/303390492.html>.

ПРОвалились: переговоры Россия — НАТО по ПРО на высшем уровне зашли в тупик. URL: http://pda.rbcdaily.ru/2011/07/05/focus/562949980577358_news.shtml.

BERMAN: Russia's real threat? Failure. URL: <http://www.washingtontimes.com/news/2010/jan/31/russias-real-threat-failure/>.

Cook D. G. The Empire Strikes Back: Russia's Strategy is Still a Threat to Canada's Security. URL: <http://www.fas.org/nuke/guide/russia/doctrine/0027.htm>.

Hoffman D. E. The loose nukes cable that shook Washington. URL: http://hoffman.foreignpolicy.com/posts/2011/06/14/the_loose_nukes_cable_that_shook_washington.

How does Fukushima differ from Chernobyl? URL: <http://www.bbc.co.uk/news/world-asia-pacific-13050228>.

Nuclear crises: How do Fukushima and Chernobyl compare? URL: <http://www.guardian.co.uk/world/2011/apr/12/japan-fukushima-chernobyl-crisis-comparison>.

Prepare to face the Russian threat. URL: <http://www.telegraph.co.uk/comment/telegraph-view/3642059/Prepare-to-face-the-Russian-threat.html>.

Russia threatens arms race and new nuclear warheads on Europe's borders. URL: <http://www.guardian.co.uk/world/2010/dec/01/russia-putin-missile-defence-threat>].

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева